

жегородского бизнеса на выборах в Госдуму (декабрь 1995 года) // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород, 1996).

¹⁴ Это подтверждается результатами масштабного эмпирического проекта ученых Института социологии РАН по изучению представителей органов власти и руководителей предприятий шести российских областей (Мозговая А. Б. Экономика и гражданское общество. М., 1996. С. 27.)

¹⁵ Данным термином я обязан В. Федотовой: *Федото-*

ва В. Г. Судьба России в зеркале методологии // *Вопр. философии.* 1995. № 12. С. 21–34.

¹⁶ Общий отдел Аппарата Президента Республики Татарстан.

¹⁷ См.: Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А. Карнавала не будет. Политические будни большой реформы // НГ – Сценарий. 2001. № 6. 10 июня. С. 2.

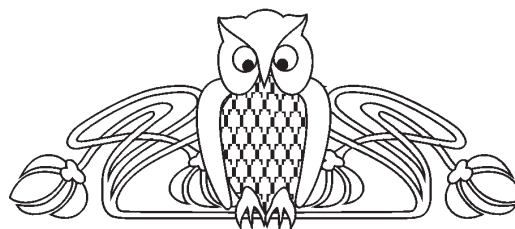
¹⁸ На этот аспект идеологического производства указал Игорь Яковенко. (Яковенко И. Интеллигенция в поисках идеи // Рубежи. 1997. № 8–9. С. 166–167).

УДК 32.01

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО АНАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ

Н. И. Шестов, Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье рассматриваются аналитические возможности понятия «аналоговые формы» применительно к изучению процессов становления гражданских обществ в России и современном мире.

Ключевые слова: политические системы, гражданское общество, мировой опыт демократизации, формы перехода к демократии.

Civil Society and its Analogues Forms

N. I. Shestov, G. M. Barashkov

In this article analytical possibilities of the concept «analogues forms» are considered respectively the study of the formation processes of civil societies in Russia and in the modern world.

Key words: political systems, civil society, world experience of democratization, ways of society transformation into democracy

В современной политической науке существуют два наиболее заметных подхода к проблеме гражданского общества:

– во-первых, гражданское общество представляется как теоретическое понятие, не имеющее точной привязки к историческим реалиям, как государство, общество, закон. Из этого посыла следует, что возможно бесконечное множество реальных и равноправных моделей гражданского общества. Поэтому бессмысленно концентрировать внимание науки исключительно на западном опыте;

– во-вторых, гражданское общество – это ряд конкретных исторических форм, которые могут и должны быть повторены другими общностями. В данном случае западные гражданские общества условно являются эталоном, по отношению к которому создаются национальные формы гражданских обществ.

Свойства этих двух теоретических позиций таковы, что их сторонники могут до бесконеч-

ности спорить о том, какая из этих двух теоретических парадигм лучше характеризует процессы, реально протекающие в разных странах и частях света, и не прийти к обоюдоприемлемому результату. Ключевой структурной проблемой обоих подходов является исходная установка на восприятие любой формы (модели) гражданского общества как органичной, внутренне целостной, в которой есть устойчивая связь смысла, формы и функций. Установка эта имеет характер в полном смысле религиозного верования, порожденного трехсотлетней историей наблюдений европейцев за успехами их собственных либеральных политических и экономических систем и самоуверенности в том, что принесенные европейцами в жертву буржуазному развитию культурные, материальные и человеческие ресурсы не пропали зря. Что ежели какой народ в мире прибегает к средствам демократического развития, то он вдохновляется глубоким осознанием «истинной» сущности тех ценностей, идей и институтов, которыми начинает оперировать. Это верование, с другой стороны, поддерживалось и поддерживается готовностью политических и культурных элит обществ, еще не апробировавших буржуазный путь развития, но симпатизирующих материальному благополучию «западной» цивилизации, использовать идеи и ценности либерализма для убеждения собственных граждан в необходимости отдать максимум общественных ресурсов в руки своих национальных либерал-реформаторов.

Это верование, достаточно далекое от свойств самой современной «западной» либеральной теории, которая вынуждена списывать на издержки современной и прежних модернизаций тот факт, что даже в успешно развивающихся либеральных системах (североамериканской, западноевропейской) внутренней органичности

смысла (идеологии существования системы), ее институционального дизайна и функциональности достичь удается крайне редко. Примером тому могут послужить периодически возникающие в этих системах политические, экономические и культурные кризисы. Это, собственно, и провоцирует современных политических теоретиков на постоянные разговоры о кризисе современной либеральной демократии и необходимости вернуть устоявшимся и легитимным формам демократической организации смысл, который мог бы вдохновлять современные общества на прогрессивное развитие и самоограничения ради этого развития.

Возможно, выходом из этого теоретического затруднения могло бы быть введение в оборот понятия «политический аналог», обозначающего определенное качественное состояние и динамические характеристики как отдельных институтов, так и политических процессов, в которых данные институты задействованы.

«Аналоговость» в данном случае подразумевает, что в развивающейся политической системе, участвующей в цивилизационной конкуренции с другими системами, исторический опыт и накопленные ресурсы которых она намеревается использовать в своих интересах прямо, например путем привлечения идей, технологий, инвестиций, или косвенно (создавая такие же ресурсы у себя путем, например, модернизаций и социальных мобилизаций) изначально не предусмотрено органической связи между идеологически от-refлексированным смыслом существования этой системы, формами этого существования и функциональностью основных институтов. Более того, такая органичность не является для аналоговой системы в целом, или в отдельных ее составляющих, принципиально важной и желательной. Смысл существования такой системы состоит в том, чтобы использовать формы, принципы, механизмы, наработанные в ходе исторического развития одних социально-политических систем для решения именно их, очень конкретных и специфических задач, для решения совершенно других задач, часто даже не очень конкретных.

Такой теоретический подход с позиции деления современных политических систем по принципу организации и развития на «органичные» (понятие заключено в кавычки ввиду того, что в реальности этой органичности достичь редко кому удастся, но она заложена в самой программе развития таких социально-политических систем как некоторая идеальная цель, к которой имеет смысл стремиться, и которая оправдывает весь прогресс со всеми его неизбежными издержками) и «аналоговые» (понятие также заключено в кавычки, поскольку формально никто и никогда не слышал и вряд ли услышит из уст политических элит, что они проводят политические и экономические модернизации своих систем, руководствуясь иными целями, нежели достижение их органического

состояния по всем позициям) дает возможность определенным образом структурировать политическую картину современного мира и объяснить некоторые важные парадоксы.

В частности, парадокс мирового «триумфального шествия» либеральной демократии в современном мире, который не просто становится все более внутренне конфликтным, но и (в этом и заключена внешняя парадоксальность ситуации) активно использует институты, ценности, принципы либеральной демократии, которые выработывались некогда самыми светлыми умами европейской и североамериканской науки как инструмент предотвращения войн, этнических, религиозных и правовых раздоров, как инструмент прогресса, реализуемого ради блага людей, в качестве инструмента эскалации конфликтов. Даже, что выглядит совершенным абсурдом, для эскалации конфликтов в родоплеменных структурах, что особенно заметно на примере современных политических конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке, но элементы чего можно обнаружить и в политической жизни развитых «западных» стран. Эти страны сегодня сталкиваются с очевидной необходимостью модифицировать свои инструменты либерально-демократического управления таким образом, чтобы они обеспечивали не столько максимально широкое распространение толерантности, гражданского согласия, духа свободы и предприимчивости, сколько оберегали бы исторические завоевания самих европейцев в области либеральной демократии от массивной интервенции со стороны тех самых социально-политических систем, которые по аналогии внешних форм и по декларируемым принципам заявляют о себе как о «тоже либерально-демократических», но которые на уровне стратегии и тактики развития не воспринимают либеральную демократию в органическом единстве цели и средств. Для них приобщение к принципам и формам западной либеральной демократии, именно в силу неорганичности этих форм и принципов их собственным историческим традициям и намерениям занять определенную выгодную нишу в будущем мироустройстве, есть процедура использования «стерильного инструмента» в проведении «внутриполостных» операций над самими собой, посредством которого если и произойдет «заражение» социально-политического организма идеями и нормами, чуждыми национальной, религиозной, экономической идентичности, то не очень сильное и вполне излечимое средствами наполнения демократических институциональных форм (именно в силу отсутствия в них связи между формой и смыслом существования) диктаторским или клановым содержанием, или средствами фундаменталистских религиозных революций. В современном мире такие революции эффективно и быстро мобилизуют массы националистически и традиционалистски настроенных людей под лозунгами борьбы за «истинную» свободу, «истинные» гражданские права, понимаемые как

права и свободы только для тех, кто составляет на данной территории этническое или религиозное большинство.

В этой связи следует заметить, что политические конфликты последнего времени, особенно в «третьем мире», в которых «аналоговые либерально-демократические» подходы к организации внутренней политики были использованы для решения задач, изначально далеких от либерально-демократического развития, а, точнее, для межплеменного и межкланового перераспределения ресурсов, ярко высветили ключевую роль институтов «гражданского общества» в функционировании либерально-демократических «аналогий».

Из всех институтов современной либеральной демократии этот институт отличается наибольшей «неуловимостью» в качестве предмета научного исследования именно в силу того, что в современной политике наиболее последовательно реализует принцип «аналогичности», предназначенности форм для решения одних задач, принципов – других, а функциональности – третьих. Институты «гражданского общества» сегодня более чем любые другие институты либеральной демократии, демонстрируют этот момент постоянной и очевидной неорганичности друг другу на уровне конкретных национальных моделей институциональных форм, идеологического смысла и функциональности. В некоторых случаях бытования в современном мире «гражданских обществ», и Россия здесь не является исключением, вполне закономерно возникает вопрос: как они вообще функционируют в качестве базового института либеральной демократии за отсутствием в стране граждан в либеральном («полноценном») значении этого термина?

Тем не менее, при отсутствии «граждан» в классически-либеральном смысле этого слова, в политическом пространстве присутствуют и политические партии, и общественные организации светского и религиозного толка, и даже правозащитные движения, по аналогии часто именуемые политической оппозицией. То есть, вроде бы, существует полноценное институциональное обеспечение функционирования гражданского общества. Но для чего нужны эти институты – этого часто не могут четко объяснить даже общественные лидеры, представляющие их, не говоря уже о том, что эти институты выполняют совсем не те функции, ради выполнения которых они в прошлом создавались в европейских и североамериканских социально-политических системах. Аналогии с «западными» нормами либерально-демократической организации просматриваются вполне очевидные, но при взгляде со стороны на эти «аналоговые» модели демократии постоянно на первый план выходят элементы разнообразия, которые в совокупности, обычно, и рождают вопрос: а демократическое развитие ли это, это попытка кого-то догнать или идти собственным путем?

Определенным образом на эту тенденцию тяготения современных социально-политических систем к созданию «аналогов» отреагировала политическая теория. Концепция демократического транзита, которая почти полтора десятилетия обеспечивала методологическую поддержку исследований проблем гражданского общества в мире, включая Россию, имела положительное свойство снимать остроту этих вопросов: все «там» будем, какой дорогой не иди и независимо от скорости движения. В конце концов, какая разница: произойдет переход к либеральной демократии от демократии советской за три года, пять лет или даже семь? Ради такой цели можно потерпеть и подождать. Когда длительность перехода стала приближаться к временным рамкам жизни целого поколения, суть и качество бытия которого обозначало понятие «транзит», то этот термин, подразумевающий конечность процесса, был заменен понятием «модернизация», не столь жестко актуализирующим вопрос о конечном пункте назначения и времени движения социально-политической системы к нему. История любой страны представляет собой в каком-то смысле череду непрерывных модернизаций разной скорости и масштаба. В этом смысле понятие «модернизация» снимает видимое противоречие между потребностью социально-политической системы идти своим путем и возможностью двигаться к либеральной демократии и как стратегической цели развития, и как тактического инструмента такого развития в сторону иных, не либеральных, в обычном смысле, ценностей. Это оптимальная идеологема, обеспечивающая привлечение большинства граждан современного общества в любой стране мира к участию в создании «аналоговых» институтов демократии, обеспечивающих народам стабильное звучание их «я» в глобализующемся мире. Это идеология существования современных гражданских обществ, оправдывающая их существование даже в формах, которые политическая теория признает ущербными. В конце концов, любое, более или менее совершенное «гражданское общество» выступает и как основа для легитимации стратегии политических элит на конструирование аналоговой демократии, и как инструмент делегитимации этой стратегии в тот момент, когда нужно будет выдвинуть в политической игре на первый план «почвенные» ценности.

Идеологема «модернизация» оптимально легитимирует создание «аналоговых» моделей либеральной демократии и придает им смысл магистрального направления развития современной политической жизни. В каком-то смысле современная глобализация в ее либерально-демократическом обличье теоретически может быть представлена в виде постоянного процесса воспроизводства различных «аналоговых» моделей демократии. С позиции этих теоретических подходов, возможно, становится понятным, почему на передних рубежах этого глобального

процесса организации «аналоговых» демократических систем сегодня находятся проблемы институционального и политико-культурного оформления гражданских обществ, как инструмента и ресурса формирования политическими элитами этих аналоговых моделей демократии. Понятней становится и причина, побуждающая даже элиты, традиционно не склонные к поощрению гражданской инициативы в политике, выступать инициаторами появления институтов гражданского общества, стимулировать их формальную, но все-таки активность. Для политических элит существование «гражданского общества» в структуре «аналоговой модели демократии» является своего рода необходимой гарантией того, что в любой момент этот уже частично отоброшенный общественный гражданский ресурс может быть направлен на изменение характера связи между формой, смыслом и функциональностью аналоговой модели в сторону либо приближения ее к образцам «органичности» внутренней организации, либо, напротив, для усиления ее внутренней неорганичности, позволяющей элитам свободней использовать институты, механизмы и принципы, созданные для решения одних задач, для решения задач других, и даже прямо противоположных тем, которые формально продекларированы.

Предлагаемый теоретический ракурс в принципе не отвергает тех подходов к объяснению специфики в развитии гражданских обществ в разных частях света, которые наработаны современной наукой. У представления, что концепции и практические модели гражданского общества исторически возникали на основе идей и опыта, укорененных в трех различных традициях (европейско-средиземноморской, континентально-европейской и англосаксонской) есть то очевидное преимущество, что оно позволяет подвести под политико-философские рассуждения о принципах и формах гражданского общества конкретную историческую фактическую основу. Такое представление дает возможность представить генезис гражданских обществ как естественно-исторический процесс, а различия в этом генезисе – как естественное следствие своеобразия цивилизационных моделей и результат исторического взаимодействия различных цивилизаций.

Этот подход позволяет четче дифференцировать сам предмет исследовательской работы, выделяя каждый раз область наиболее существенных проблем, которые определяют всю логику научного поиска.

Недостатком же, не менее очевидным, является отсутствие возможностей теоретически увязать объяснение этих ведущих тенденций социокультурного развития в прошлом, этих ключевых проблем, порожденных прежним цивилизационным опытом, со свойствами современных социально-политических процессов, разворачивающихся в русле «модернизации».

В частности, исследователь может изначально ориентироваться на то, что в странах Юга механизмы власти характеризуются сочетанием старого и нового, привнесением в систему политических отношений этнических, религиозных, клановых и иных неклассовых связей. В результате власть отличается гибридностью, эклектичностью, что приводит ее к неустойчивости и противоречивости. Это стало следствием унаследованных отсталых социальных структур, отсутствия традиций гражданственности, экономической слаборазвитости и зависимости¹.

Исследователи отмечают, что важная черта политической культуры в странах Южной и Центральной Африки – это ее пронизанность традиционными представлениями о власти, обществе, лидерстве, которая объясняет распространенность специфических, иррациональных, с точки зрения западных политологов, политических мотиваций, присущих большинству участников политических процессов, происходящих на континенте. В отличие от стран Запада, где в политической культуре преобладает индивидуальный или индивидуально осознанный групповой интерес (политический, социальный, экономический), в африканских странах господствует общинная, клановая, племенная, этническая солидарность, базирующаяся на общих, традиционно закрепившихся, обычаях и символах. Подобная социальная психология как бы отменяет потребность в выражении индивидуалистических интересов. В Африке, как и на Западе, люди, по-видимому, также осознают свой интерес, свою выгоду, но убеждены, что достичь ее можно только усилиями общности, к которой они принадлежат. Поэтому они в первую очередь заботятся о своем коллективе, через успехи которого привыкли и надеются удовлетворять свои интересы². По мнению И. В. Следзевского, неформальные образования определяют политическое поведение своих членов, позволяя осуществлять их политическую мобилизацию и, что существенно, путем установления личностных связей за рамками общины иметь развитую систему представительства. Все важные внутренние проблемы и конфликты решаются в этих традиционных образованиях без участия официальных властей под руководством вождей путем длительных обсуждений, до тех пор, пока стороны не достигнут всеобщего согласия. Эта замечательная по своей теоретической целостности схема рассуждений не объясняет, однако, того, почему при наличии такой устойчивой традиции, пусть специфической, но все же достаточно эффективной политической самоорганизации (если критерием эффективности в политике считать устойчивость механизмов решения конкретных социальных проблем и проблем государственного управления), доминирующей тенденцией в политике является нерешаемость на протяжении десятилетий никаких проблем, включая элементарную безопасность граждан от насилия в ходе племенных конфликтов

и обеспечение их продовольствием, прекращение деятельности военных группировок. Получается, что социально-политические системы предрасположены к нормальному, пусть и специфическому, функционированию в режиме организации нормальной гражданской жизни и государственного управления, у них исторически сложилось все, что для этого нужно, но практически к такой эффективной самоорганизации они никак не переходят.

Говоря об основополагающих характеристиках стран исламского ареала Юга, современные исследователи точно так же выделяют ряд наиболее существенных свойств их политической культуры, институционального дизайна политических отношений вообще и гражданских отношений в частности. Эти страны, по устоявшемуся сегодня мнению исследователей, характеризуются тем, что исламская традиция десятки лет синтезировалась с иными, прежде всего европейскими культурными и правовыми традициями. Тенденции этого синтеза наиболее ярко представлены в странах «коренного» ислама, расположенных в Северной Африке, Ближнем и Среднем Востоке. Хотя государство в исламе рассматривается как главный инструмент при исполнении божественного закона (шариата), его конкретная форма и организация не регламентируется. Поэтому мусульмане в современном мире с большим успехом, нежели представители других социокультурных традиций, могут использовать и формы организации власти неисламского происхождения, в том числе и демократические инструменты, если они видимо не нарушают исламских норм и ценностей. Исламисты сходятся в том, что высшая власть принадлежит Богу, а право применять его законы передано общине верующих (умме). Глава общины или государства – это лишь представитель общины, которая избирает, контролирует и при необходимости низлагает его³.

Известный российский исследователь политического ислама Г. Джемаль считает, что в истории мусульманских стран ислам предстает как гражданское общество в абсолютном смысле. Община пророка Мухаммада в Медине, по его мнению, была не государством, а «самоорганизующимся, самоуправляющимся братством, над которым был только авторитет и воля Аллаха, передаваемая через его Посланника»⁴. Г. Джемаль вводит термин «самодостаточная общность», основой которой всегда, даже в модернистском социуме, выступает моральный императив. Для мусульманина такой императив, по его мнению, состоит в том, чтобы не позволять лишиться себя статуса инструмента божественного провидения, то есть не лишаться исторической ответственности, субъективности. А ведь именно в многообразии сетевой структуры неправительственных организаций реализуется гражданское общество как коллективный субъект, определяющий в конечном счете историко-цивилизационный курс.

Чего не объясняет этот устоявшийся подход, так это причин, по которым в сегодняшнем ареале «коренного ислама», где осуществлялся этот самый синтез цивилизационных традиций Запада и Востока с наибольшим успехом, сегодня оказались фактически во главе процесса исторического рванша исламского традиционализма, демонстрируют революционные подходы к обеспечению такого рванша на уровне и социальной, и государственной организации, демонстрируют нежелание следовать принципам религиозной, этнической, политической толерантности, на которых, по идее, должно быть основано не только «синтетическое» гражданское общество, а вообще любое гражданское сообщество как таковое. Получается, что «синтез» вроде бы был, и для него были предпосылки в самой структуре социально-политической и экономической организации исламских обществ, но результаты этого синтеза имеют однобоко традиционалистский характер.

При исследовании формирования гражданского общества в Японии современные специалисты обычно подчеркивают, что Япония практически никогда не знала жесткого государственного контроля над общественными институтами. Вместе с тем для традиционной Японии характерно существование многочисленных и разнообразных, причем очень жестко организованных общественных институтов, своего рода каст. В сочетании с традициями корпоративности, заимствованными японцами из китайской политической культуры, эта традиция жесткой социальной иерархичности породила и современную специфику японской общественной организации, современного гражданского общества в Японии. Поведение индивида в японском обществе сегодня, как и прежде, определяется «рациональными интересами группы», и это открыто декларируется.

Точно так же и в Китае на процесс становления гражданского общества, по мнению исследователей, существенно повлияли два фактора. Один – это патриархально-клановая структура общества, в которой роль и ценность личности определялись исключительно соображениями ее социальной полезности и местом в иерархии семейно-родственных связей, а государство представлялось в качестве суперпатронии. Согласно учению Конфуция, правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Подобный подход вводил правителя в круг обычных представлений общинников, превращая государство в обычную семью, только большую⁵.

Второй – это особый режим хозяйственной деятельности, необходимость массовых общественных работ по строительству и содержанию аграрной и транспортной инфраструктур на огромных и неравномерно заселенных территориях. Осмысление китайским обществом значимости этих факторов на ценностном уровне вело к юридической, философской и традиционно-бытовой легитимации таких норм, как безусловное

подчинение младшего старшему в семье, социальной группе, государстве, превалирование интересов организованного сообщества над интересами личности и жесткий контроль со стороны группы над любыми проявлениями индивидуальной активности, возможность продвижения индивида по социальной иерархии исключительно на основе отстаивания интересов своего социума и при его поддержке⁶.

В результате, характеризуя ситуацию в современном Китае и Японии, исследователи говорят, что, с одной стороны, в культуре, политике, экономике развиваются активные процессы в сторону сближения с ценностями западной либерально-демократической политической культуры, с другой стороны, наблюдается определенный возврат ко многим традиционным ценностям. В концептуальном основании такого рода теоретических объяснений есть очевидный недостаток – синтетичность подхода подменяется эклектикой. С одной стороны, процессы вроде бы идут в одном направлении, а с другой – они вроде бы идут в другом направлении и за неимением четкого понимания того, куда же направлен главный вектор движения социально-политической системы, исследователи с определенными оговорками и указаниями на относительность смысла, вкладываемого в такого рода определения, называют это «цивилизационным синтезом».

Применительно к характеристике политических процессов в современной Индии проблемой становится даже такой эклектический подход. В плане формальном Индия во многих отношениях воспроизводит элементы политико-правовой организации западных обществ (парламентаризм, политические свободы, юридическое равенство прав). Но на низовых и повседневных уровнях своей социополитической жизнедеятельности Индия руководствуется иными началами. Специфика ориентальной индийской демократии связана с тем, что на неформальных уровнях функциональной основой индийской политики выступает не индивид, а скорее, малая локальная общность – традиционная кастово-джатная организация. Симбиозы, антагонизмы, иерархические конфликты, сделки, союзы, системы клиентелы и покровительства, отношения между кастово-джатными группами и образуют основные параметры индийской микрополитики. Эти отношения являются стержнем социально-политических отношений в Индии – коалиционного характера политических партий и местных элит, комплектования демократии на разных уровнях власти, макроэкономических контактов. Получается, что вектор движения всей социально-политической системы вроде бы и един, но сам этот вектор состоит из множества разнонаправленных векторов, логику связи которых можно объяснить только тем, что так в индийской политической жизни было всегда.

У современных исследователей есть некая согласованная позиция и в отношении свойств

процессов гражданской самоорганизации в странах Латинской Америки. Исследователи обычно подчеркивают, что в основе латиноамериканской политической культуры лежат три составляющие – это цивилизации доколумбовской эпохи, испано-португальский католицизм и стремление к обновлению. Низовые христианские общины явились важнейшим элементом становления гражданского общества в Латинской Америке, формирования его основ на низовом уровне. Особое распространение низовые христианские общины получили в странах с диктаторскими режимами. Помимо социальной самоорганизации и помощи в условиях ухудшившегося экономического положения, они все больше брали на себя правозащитные и политические функции.

Однако католическая идея «органического государства»⁷, к которой так или иначе до сих пор восходят очень глубокие и укорененные корпоративистские тенденции, испанская колониальная традиция, органично сочетавшаяся в этом смысле с наследием индейских цивилизаций ацтеков и инков, также способствовали тому, что господство государства над обществом было закреплено в качестве осевого отношения в «генотипе» данных обществ. Эта традиция была прервана в XIX – начале XX в. почти столетним периодом слабых олигархических демократий, перемежающихся с военными диктатурами. Однако в 1930–1950-х гг. популистские режимы воплотили государственно-центричную матрицу развития в Латинской Америке в наиболее полном и законченном виде⁸. Популизм был, по сути, наиболее последовательной в Латинской Америке попыткой интегрировать общество «сверху» путем активного государственного вмешательства. В социальном плане это предполагало «включение», инкорпорирование городских трудящихся и средних слоев с помощью активной социальной и перераспределительной политики и создания «сверху» корпоративных структур, охватывающих наиболее активную часть народных масс сетью государственных и полугосударственных организаций. В политическом плане важнейшей характеристикой государственно-центричной матрицы развития в Латинской Америке стало то, что политика «вращалась» исключительно вокруг действий государства. Такое объяснение логики политических процессов в странах Латинской Америки воспроизводит порядок смены форм организации политической жизни, но отвечает на вопрос о том, почему смена происходила. Современный политический популизм, так получается, идейно продолжает традиции органической государственности, на краткое время прерванные эпохой диктатур. Но этого не может быть в принципе, если исходить из свойств самой «органической» теории генезиса государственного порядка, исключая любые моменты стихийной общественной инициативы в политической жизни, то есть то, на чем основывается популизм. Логичнее это представить не как

развитие одной базовой традиции, а как череду попыток в определенных политических ситуациях возвести конкретные способы решения частных политических проблем в ранг базовой традиции и принудить общество (отсюда и устойчивая сила государственных институтов при всех изменениях режимных характеристик государственной власти) вопреки многообразию и сложности собственного исторического опыта относиться к ним именно как к вековой традиции, отменить которую, впрочем, можно, если установить на месте одной военной диктатуры другую.

Все эти концептуальные характеристики особенностей социально-политических процессов в разных частях современного мира отмечены одним свойством. В их основе лежит восприятие социально-политических систем вообще и гражданских обществ, в частности, как систем, которые имели свое славное историческое прошлое, имеют свое настоящее, в котором как в зеркале отражается их историческая цивилизационная специфика, но в их современном существовании не заложено проекта будущего. Все сочетания разнообразных тенденций, так получается, жестко детерминированы свойствами прошлого опыта этих систем, а расчеты на будущее, на занятие достойного места в глобализующемся мире как бы вообще не играют в образовании таких связей существенной роли.

Фактор будущего, однако, присутствует в исторической программе развития любой социально-политической системы и любого индивида. Теоретический ракурс изучения современных социально-политических систем, в первую очередь гражданских обществ, с позиции представления о них как исторически тиражируемых аналогах однажды найденных решений, но тиражируемых не с целью простого копирования, а ради решения иных, не предусмотренных исходным вариантом решения, задач общественного и государственного управления. Этот подход позволяет понять диалектику связи движения современного мира к торжеству организационных принципов либеральной демократии, в ходе которого странным образом эти принципы становятся инструментом легитимации и продвижения в практическую политику самого очевидного традиционализма, инструментом подмены гражданской толерантности клановой, племенной, конфессиональной конфликтностью. Похожесть принципов и форм организации политики становится ключевым условием присутствия игроков с разными ресурсами исторического опыта и современными политическими амбициями на одной арене современной политики, не исключая, однако, того, что каждый в этой игре ожидает получить эксклюзивный результат.

Возможно, такой «аналоговый» подход к анализу генезиса и динамики институтов либеральной демократии способен ликвидировать и некоторые теоретические нестыковки в концептуализации на-

шего знания о российской политике. Современные исследователи в большинстве случаев ставят вопрос так, что нынешние тенденции в становлении и развитии институтов либеральной демократии есть в полном смысле слепок с отечественной исторической традиции. Часто пишут о том, что по характеру доминирующей роли государства Россия ближе к восточному типу обществ, но что в России эта роль в силу ряда исторических, природо-географических и геополитических причин была выражена еще более отчетливо. Государство выступало по большей части основным инициатором формирования общественных институтов, и это накладывало отпечаток на все отношения – хозяйственные, социальные, культурные, политические. Инициатива снизу ограничивалась. Общество сдавливалось налоговым прессом, из него выкачивался для государственных нужд не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. В результате слабое развитие городов, торговли, предпринимательства. Отсюда слабость правоотношений, и ригидность политической системы, лишенной обратной связи. Отсюда бедность и неустроенность быта большинства населения и консерватизм культурных ценностей.

Тип отношений власти и общества, при котором власть выступала центральным и по сути единственным источником динамики в обществе, не только не способствовал структурной дифференциации последнего, но и закреплял его аморфный характер, препятствовал его самоорганизации. Власть одновременно была и внешней скрепой по отношению к обществу, и стержнем, вокруг которого только и происходили процессы общественной кристаллизации. Общество не вырабатывало внутренних механизмов конституирования и регулирования в значительной мере потому, что государство подавляло всякие зачатки и попытки такой самоорганизации, или использовало ее в полицейских и фискальных целях, как общину в дореволюционный период, или так называемые, добровольные общества – в советский. Поэтому кризис, распад общества преодолевался в российской истории лишь в результате усилий и при решающем участии государства, которое вновь «собирало», консолидировало общество на государственной основе.

Если исходить из такой общепринятой характеристики исходных условий современного существования российского общества и государства, то необъяснимой становится необходимость и возможность для них какой-либо «модернизации», а тем более модернизации либерально-демократической. Это в любом случае будет модернизация, основанная на проекте, в котором системообразующим началом будет прошлое, дополнительным основанием – настоящее, а будущее не будет отрефлектировано даже на элементарном уровне. Сама история, однако, указывает на то, что каждый раз российские модернизации и государственные лидеры, их осуществлявшие,

вдохновлялись не стремлением воспроизвести избыточность исторической традиции, а решить задачи будущего развития социально-политических систем, которые в рамках традиции не решались, но и иного исходного материала, кроме традиций или заимствований чужого опыта не было. Из этих двух составляющих и конструировались те самые «западнические» аналоговые варианты российских политических институтов, политико-культурных ценностей, правовых норм гражданского общества, в которых отечественные исследователи ищут внутренней органичности форм, смысла и функций, такой органичности не находят и говорят об отсутствии во всех этих структурных комбинациях конструктивного смысла. У политических «аналогов», вероятно, все же есть свой внутренний смысл и собственная цивилизационная предназначенность.

УДК 321

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

С. В. Володенков

Московский государственный университет
E-mail: s.v.cyber@gmail.com

В данной статье рассматриваются вызовы и угрозы, связанные с развитием современных информационных и коммуникационных технологий в сети Интернет, анализируются угрозы, связанные с новыми возможностями манипулирования общественным мнением в рамках современного политического управления, а также вопросы информационной безопасности современных государств, в том числе кибербезопасности. В работе приводятся реальные примеры информационного влияния в киберпространстве, а также рассматриваются конкретные примеры применения киберботов для осуществления информационного воздействия на общественное сознание.

Ключевые слова: киберпространство, новые формы политической коммуникации, общественное сознание, симулякры, информационная безопасность, манипуляция, политическое управление

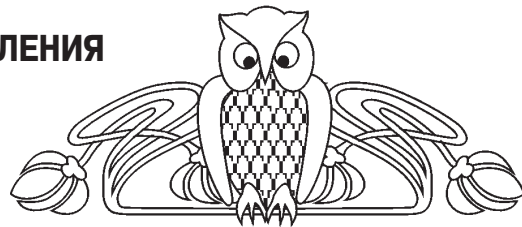
New Forms of Political Governance in Cyberspace of the XXI Century: Challenges and Threats

S. V. Volodenkov

This paper discusses the challenges and threats associated with the development of modern information and communication technologies on the Internet. The author analyzes the threats associated with new opportunities to manipulate public opinion in the modern political governance, as well as questions of security of modern states, including – cybersecurity. The paper presents actual examples of informational influence in cyberspace, and examines specific examples of using cyberbots for informational impact on the public consciousness.

Примечания

- 1 См.: *Ирхин В. В., Слизовский Д. Е.* Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995. С. 4, 14.
- 2 См.: Африка: проблемы становления гражданского общества / отв. ред. Ю. В. Потемкин. М., 2009. С. 106.
- 3 См.: *Комар Ю. И.* Ислам, демократия и гражданское общество // *Афро-азиатский мир: Проблемы цивилизационного анализа.* М., 2010. Вып. 2. Региональные цивилизации. С. 96.
- 4 *Джемаль Г.* URL: <http://www.kontrudat.ru> (дата обращения: 20.02.2011).
- 5 См.: *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 228.
- 6 См.: Политическая культура. Теории и национальные модели. М., 1994. С. 291–292.
- 7 См.: *Ворожейкина Т. Е.* Государство и общество в России и Латинской Америке // *ОНС.* 2001. № 6. С. 8.
- 8 Там же. С. 9.

Key words: cyberspace, the new forms of political communication, public awareness, simulacra, information security, manipulation, political governance.

Существующее сегодня огромное разнообразие форм и каналов современной коммуникации в киберпространстве предъявляет определенные требования и к современному политическому управлению, которое невозможно без организации адекватных целевым аудиториям, активно использующим в процессе получения информации разнообразные онлайн ресурсы и технологии, политических коммуникаций.

С позиций политического управления современные онлайн-коммуникации могут быть рассмотрены в качестве важнейшего инструмента работы с целевыми аудиториями в связи с тем, что имеющиеся на сегодняшний день технологические возможности в области передачи, обмена, массового распространения информации позволяют выстраивать совершенно новые механизмы коммуницирования власти с обществом, в широких пределах влиять на общественное сознание посредством применения имеющихся прогрессивных коммуникационных технологий, осуществлять комплексное управление информационным пространством, формируя отношение общества к различным субъектам политики.

Принимая же во внимание закон необходимого разнообразия Уильяма Росса Эшби, согласно которому разнообразие субъекта управления должно быть равным или превышать разноо-